ГЕВОРГ АВЕТИКЯН

СТАНОВЛЕНИЕ МИФА О «ЮЖНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ»: РОЛЬ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Развитие политической мысли и практики в Иране, особенно в его северо–западных провинциях с преобладающим тюркоязычным населением, исторически находящихся на границе трёх держав (Османской, Российской и Персидской), часто находились под влиянием идей и изменений, приходящих извне. На протяжении всей новой и новейшей истории иранская интеллигенция и просвещённые элиты прямо и косвенно получали новые идеи о государственности, нации и *нациестроительстве* из Османской империи[1] и царской России, а затем – из Турецкой республики и Советского Союза. Северный Иран, географически и экономически тесно связанный с царской Россией, стал также колыбелью прогрессивных для того времени идей социализма и классовой борьбы против монархического устоя. В первые же годы XX в. к новоявленным революционным группам социалистов примкнули и иранцы, живущие как в российском Закавказье, так и в иранском Азербайджане. В Баку была создана Социал–демократическая партия Ирана, которая объединяла иранцев различного вероисповедания и этнического происхождения[2]. Далеко не всегда национализм этого периода означал межэтническую борьбу. Более того, он являлся новой объединяющей силой, направленной на создание современного государства–нации, борющегося с империализмом и противопоставляемого устаревшей монархии.

---

1 ح آیاپیستور، اختر و انتقال افکار سیاسی از عثمانی به ایران، نشریه ای، شماره 86، تهران، 1386، ص. 197–202

2 М. Р. Годс, Иран в XX веке: политическая история, Наука, Москва, 1994, стр. 30–33.

В наши дни особенностью почти всех случаев этнического национализма внутри Ирана является то, что все они имеют своего рода собратьев по ту сторону государственной границы. Представители «братских» этнических групп могут говорить на одном языке, но отличаться в конфессиональной принадлежности (иранские арабы–шииты и арабы–сунниты в соседних арабских государствах). Они могут быть носителями одного языка (несмотря на возможные различия между диалектами на местном уровне) и религии, но проживать в двух или более государствах (хорошим примером являются белуджи, которые сосредоточены на стыке границ Ирана, Пакистана и Афганистана). Иранские арабы продемонстрировали свою лояльность иранской идентичности, а не этническим собратьям во время ирано–иракской войны (1980–1988), когда Саддам Хусейн тщетно надеялся на успех в арабоязычных районах Ирана.

Другим примером может служить туркменоязычное население северо–востока Ирана, рассредоточенное вдоль государственной границы Ирана с постсоветской Республикой Туркменистан. Как правило, при освещении процессов в современном Иране на этот регион почти не обращают внимания. Появление Туркменистана в качестве родного или, как оно чаще называется, *материнского* государства, вероятно, оказало какое–то влияние на туркменоязычных иранцев, но это не стало достаточно прочной базой для формирования идеи единой нации. Понятия «Туркменистан» и «туркменская нация» сами отчасти обязаны своим существованием советской политике национального строительства и создания республик в Центральной Азии, когда едва ли не произвольно выбиралась «титульная нация» и ее название давало имя новой административно–территориальной единице[3].

В случае с национализмом «Южного Азербайджана», конечно, существование Азербайджанской Республики как материнского государства имеет жизненно важное значение. В этом контексте довольно интересна история выбора названия для относительно недавно созданной республики тюрков

[3] С. Абашин, Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов, Национализм в мировой истории, под ред. Тишкова В. А., Шнирельмана В. А., Москва, 2007, стр. 351–374.

мусульман Южного Кавказа[4]. Любопытно, что одно из иранских политических движений начала XX в. во главе с интеллектуалом Шейхом Хиабани из Иранского Азербайдана преподносится азербайджанским национализмом как «…национальное азербайджанское восстание за свободу»[5], хотя на самом деле оно не было борьбой за независимую «азербайджанскую отчизну», а движением, направленным на сохранение территориальной целостности Ирана, а создание иранского государства–нации и политические требования не выходили за рамки поиска справедливого распределения исполнительных полномочий между центральными властями и местными органами власти на всей территории страны[6]. Важно также отметить, что:

«27 мая 1918 г., когда новая Азербайджанская Республика была основана на территории к северу от реки Аракс, на юго–востоке Закавказья, присвоение названия «Азербайджан» вызвало смятение в Иране, особенно среди *азербайджанской* (имеется ввиду иранский Азербайджан – Г. А.) *интеллигенции* (курсив мой – Г. А.) . Хиабани и его коллеги–демократы для того, чтобы отмежеваться от закавказцев, решили переименовать Иранский Азербайджан в Азадистан (Земля свободы)»[7].

«Южный Азербайджан» всегда занимал значимое место в советской внешней политике. До создания Советского Союза и утверждения принципа права наций на самоопределение (хоть и переросшего затем при Сталине в рычаг политических манипуляций) никаких идей о «едином Азербайджане» в России на официальном уровне не поднималось. Понятие «Азербайджан» ещё не было создано советскими этнографами и историками. Различные прогрессивные европейские идеи – будь то национализм, либерализм или социализм – импортировались

[4] См. T. Atabaki, Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth–Century Iran, London: British Academy Press, 1993.

[5] См. B. Shaffer, Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity., MIT, 2002; A. Asgharzadeh, Iran and the Challenge of Diversity: Islamic Fundamentalism, Aryanist Racism, and Democratic Struggles, New York: Palgrave Macmillan, 2007; см. также националистический веб–сайт: http://www.arshiv.gamoh.info/en/xiyabani_en.html

[6] T. Atabaki, Ethnic Diversity and Territorial Integrity of Iran: Domestic Harmony and Regional Challenges, Iranian Studies, vol 38 (1), 2005, pp. 33–34.

[7] T. Atabaki, Recasting Oneself, Rejecting the Other: Pan–Turkism and Iranian Nationalism, Schendel W., Zürcher E. J. (eds.), Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century, London: I.B.Tauris, 2001, p. 77.

в Иран из России, через бакинскую интеллигенцию и местную политическую элиту, имевшую влияние на тюркоязычных иранцев потому, что они массово приезжали из Северного Ирана для работы на бакинских нефтяных приисках. Возвращаясь в Иран, отряды рабочего класса становились проводниками и ретрансляторами почерпнутых идей[8]. Следует отметить, что многочисленные рабочие–мигранты из Ирана на нефтяных приисках Баку, большая часть из которых происходила из северо–западных провинций Ирана (которые по умолчанию считаются зоной компактного проживания тюркоязычных иранцев), в документах царского правительства именовались «рабочими–персами». Интересно, что в 1916 г., в ходе забастовки, прокурор бакинского окружного суда в качестве одной из причин, побудивших рабочих к забастовке, указывает, что начальник приисков Ахунд Джафар Гаджи Гасан оглы «оскорблял религиозные чувства рабочих»[9]. Однако, уже начиная с 1930–х гг., фактически вся советская наука исходила из принципа единства азербайджанского народа, (относя его этногенез к позднему средневековью) часть которого, в силу исторических обстоятельств, проживает в Иране. Показательно, в частности, что в изданном в СССР рекомендательном указателе литературы по Ирану[10] можно встретить множество работ, в заглавии которых стоит (южный) Азербайджан[11].

Первой полноценной попыткой решить «вопрос о Южном Азербайджане» в СССР можно считать оккупацию северного Ирана советскими войсками во время Второй мировой войны

[8] S. Houman and N. Entessar, Iranian–Azeri Dynamic Relations: Conflict and Cooperation in Southern Caucasus, Rivista di Studi Politici Internazionali, Vol. 76 (1), 2009, p. 63.

[9] РГИА, Ф. 1405, оп. 326, д. 2161, (О забастовке рабочих–персов на нефтяных промыслах), л. 2.

[10] И. Сахаров, Рекомендательный указатель литературы. Иран, Москва, 1978.

[11] С. Кашкай, Из истории Маннейского царства, Баку, 1977; А. Али–Заде, Социально–экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв., Баку, 1956; Дж. Ибрагимов, Феодальные государства на территории Азербайджана XV века, Баку, 1962; О. Эфендиев, Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века, Баку, 1961; А. Рахмани, «Тарих–и алам арай–и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, Баку, 1960; Ф. Алиев, Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в., Баку, 1975; Ш. Исмаилов, Философия Махмуда Шабустари, Баку, 1976 (Махмуд Шабестари фигурирует в этой книге в качестве “азербайджанского философа–пантеиста”– Г. А.) и т. п.

и последующее создание там Азербайджанской республики[12]. Республика была создана на северо–западе Ирана в декабре 1945 г. во главе с иранским коммунистом Сеидом Джафаром Пишевари. Поскольку Сталин рассматривал интересы СССР в Греции (где не было оказано поддержки участвующей в гражданской войне против монархистов компартии), Турции (территориальные претензии – речь идёт о землях, населённых армянами до геноцида – к которой были сняты) и Иране как второстепенные, вспомогательные в отношении своей политики в Центральной Европе[13], то республика в северном Иране недолго просуществовала: в феврале–марте 1946 г. Советский Союз уже вывел свои войска, и вскоре тегеранская власть без особых усилий, но весьма кровавым для просоветской (фактически преданной Сталиным) оппозиции путём вернула утраченные территории[14]. Кроме того, идеи азербайджанского национализма почти никак не коснулись многочисленного сельского населения региона и почти целиком остались частью жизни образованных слоёв Табриза[15].

В 1950–х гг. ГДР стала центром иранской эмиграции, советские власти решили открыть там радиостанцию, которая бы на азербайджанском языке вещала на территорию Северного Ирана. В 1958 г. при советском посольстве в Тегеране была учреждена должность советника по азербайджанским делам. После Исламской революции в качестве ответных действий уже из Тегерана в советский Азербайджан стала транслироваться исламская пропаганда, и чтобы блокировать этот шаг руководство СССР вновь активизировало идею о «национальных чувствах азербайджанцев»[16].

В декабре 1989 г., в разгар перестройки, была фактически разрушена государственная граница СССР в Нахичевани,

[12] A. Ansari, The Politics of Nationalism in Modern Iran, Cambridge University Press, NY, 2012, pp. 119–124.

[13] G. Roberts, Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–8, Journal of Contemporary History, Vol. 46 (1), 2001, pp. 58–81.

[14] А. Юнусов, Азербайджано–иранские отношения и проблема региональной безопасности на Кавказе, Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ, В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля, Т. 8, Москва, 2007, стр. 85.

[15] S. Houman and N. Entessar, указ. раб., с. 64.

[16] А. Юнусов, указ. раб., стр. 87; D. Nissman, The Soviet Union and Iranian Azerbaijan. The Uses of Nationalism for Political Penetration, Boulder, 1987, pp. 73–77.

и местное население устроило братание с иранцами. После установления независимости Азербайджан сразу установил дипломатические отношения с Ираном. Значение самостоятельного независимого азербайджанского государства, хоть и находящегося до сих пор в «поисках себя», в деле конструирования национальной идентичности в «Южном Азербайджане» трудно переоценить. Обладая совокупностью государственных и окологосударственных институтов, можно заставить их работать на производство политически актуального дискурса, подходящего для обоснования внешнеполитических деклараций и международных официальных или просто идейно–пропагандистских претензий. Риторика национального пробуждения, призывы к объединению, а также разработка концепции единой родины для всех тюркоязычных народов Южного Кавказа и Северного Ирана в рамках географической и политической единицы под названием Азербайджан, временно разделенной на северную (Республика Азербайджан) и южную (иранские провинции Западный и Восточный Азербайджан) части, в значительной степени поддерживаются в Азербайджанской Республике, которая совсем недавно обрела независимость в результате распада Советского Союза. Надо сказать, что повседневная жизнь советских азербайджанцев и бытовая политическая культура не ставила вопрос о каком бы то ни было единстве с соседним иранским населением. Этот тезис ярко характеризует эпизод, который в своей книге приводит крупный американский социолог Г. Дерлугьян: «…в советский период тренд продолжается, несмотря на неизбежно жестокие потери сталинских репрессий. На рубеже 1950–1960– х гг. Баку, например, стал меккой для исполнителей и поклонников альтернативной джазовой музыки в СССР. В 1980 г. секретарь бакинского райкома КПСС со смехом и недоумением рассказывал мне о приезде к ним журналиста из американского еженедельника «Ньюс уик». Американец прибыл вооруженный научным бестселлером Элен Каррер Д'Анкосс и с плохо скрываемым намерением раскопать сенсационную новость о том, как всколыхнула азербайджанских шиитов исламская революция в соседнем Иране. Попытаюсь передать бесподобнейший колорит бакинской речи: "Слушай, прямо настоящий провокатор, да–а… Ходил тут только по мечетям и базару, приставал и ко мне, и ко всем таксистам, и

вообще ко всем подряд с расспросами, мусульмане мы или нет? Дорогой, говорю ему, ты откуда свалился? Честное слово, не знаю, как еще тебе объяснить, что мы все – атеисты. Конечно, чудак–человек, на похороны положено приглашать муллу. Хотя я в районе известный человек, я что, родную маму вот так просто в яму закопаю?! Ара, да причем тут этот Иран?! Ты на границу съезди, посмотри ночью на ту сторону – темнота кромешная! У них же там в селах электричества нет. Девушек в концерте по телевизору не показывают. Отсталая страна, Средневековье... Не то, что наш цветущий Азербайджан!"»[17].

В течение 1991 г., после распада СССР и появления независимого Азербайджана, руководство Азербайджанской республики и Ирана обменялись взаимными визитами. При первом президенте Азербайджана Муталибове связи с Ираном достигли пика, что вызвало обвинения его в исламизме[18]. Абульфаз Эльчибей, президент Азербайджанской Республики в начале 1990–х гг., был ярым сторонником пантюркского единства и симпатизировал идее «Южного Азербайджана» в частности и одного, общего Азербайджана вообще. Его откровенно антииранская позиция также считается фактором, приведшим к парадоксальной молчаливой поддержке Армении со стороны Исламской Республики, которая гипотетически должна была помочь собратьям по религии – мусульманам–шиитам Азербайджанской Республики во время армяно–азербайджанской карабахской войны[19]. Эльчибей чётко ориентировался на Турцию и Запад, причём Турцию он считал мусульманским членом западного мира, страной демократической, европейской. Также он, отстаивая идеи светского пантюркизма, не только яростно критиковал фундаменталистский Иран, но и поддерживал Израиль. Очевидно, что в определённый момент Эльчибей просто утратил всякую связь с реальностью[20]. Однако

[17] Г. Дерлугьян, Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе, Москва, 2010, стр. 256.

[18] А. Юнусов, указ. раб., стр. 91; С. Чернявский, Новый путь Азербайджана, Азер–Медиа, Баку, 2002, стр. 223.

[19] E. Souleimanov and O. Ditrych, Iran and Azerbaijan: A Contested Neighborhood, Middle East Policy, Vol. XIV (2), 2007, p. 104.

[20] Д. Фурман и А. Абасов, Азербайджанская революция, Азербайджан и Россия. Общества и государства, http://old.sakharov–center.ru/publications/azrus/az_005.htm

его антииранская риторика никуда не делась и после свержения с поста президента[21].

Стоит отметить, что иранское руководство также порой прибегало к аргументу об «отторгнутой территории», имея в виду Азербайджан, который отошёл к Российской империи в начале XIX в. То есть предлагалось воссоединение, но в другом контексте – в рамках единого Ирана[22].

Хотя последующие президенты (Гейдар Алиев и его сын Ильхам, сменивший своего отца на посту президента Азербайджана) и их правительства попытались продемонстрировать, что проводят совершенно новую политику, случаи раздора между Ираном и Азербайджаном вокруг указанного вопроса периодически еще возникают. Можно вспомнить инцидент, когда, несмотря на заявления Азербайджана о том, что он не поддерживает националистическую деятельность НОДЮА (Национально–освободительное движение Южного Азербайджана)[23] или ОАД (Объединённое азербайджанское движение)[24], Тегеран был сильно возмущен тем, что в Азербайджане были опубликованы карты на обложках учебников по истории для пятого класса с развевающимся азербайджанским флагом над Республикой Азербайджан и иранским Азербайджаном[25].

В течение 1990–х гг. взаимоотношения Ирана с Азербайджаном постепенно ухудшались. Азербайджан под давлением США отобрал у иранской стороны 25% изначально предоставленных акций в одной из нефтяных консорций[26]. Это, разумеется, спровоцировало резкое недовольство иранской стороны и привело к массированной пропагандистской кампании в Иране. Иранское руководство на дипломатическом уровне подняло вопрос о праве Азербайджана на эксплуатацию ресурсов Каспийского моря, что обернулось серией взаимных обвинений и министерских деклараций. Намереваясь как–то урегулировать нарастающий конфликт, Гейдар Алиев в 1996 г. отдал Ирану 10%

[21] C. Brown, Wanting to Have Their Cake and Their Neighbor's Too: Azerbaijani Attitudes towards Karabakh and Iranian Azerbaijan, Middle East Journal, Vol. 58 (4), 2004, p. 588.

[22] А. Юнусов, указ. раб., стр. 88.

[23] National Liberation Movement of Southern Azerbaijan.

[24] United Azerbaijan Movement.

[25] R. Olson, The 'Azeri' Question and Turkey–Iran Relations, 2000–2002, Nationalism and Ethnic Politics, Vol. 8 (4), 2002, p. 75.

[26] E. Souleimanov and O. Ditrych, указ. раб., стр. 104.

акций в месторождении Шах–Дениз, позднее доступ иранских компаний к азербайджанским нефтяным месторождениям расширился[27].

Кроме того, азербайджанские власти подозревали иранскую сторону в поддержке нарастающего в Азербайджане воинственного исламистского подполья. Также официальный Баку обвинял Иран в поддержке Армении, в частности, в 1992 г., когда Иран предложил выступить в качестве посредника в карабахском конфликте, азербайджанцы ослабили оборону Шуши, и город заняли армяне; эти события подогревали и продолжают подогревать полуконспирологические настроения в Азербайджане[28]. В 1998 г. Иран предоставил политическое убежище Махиру Джавадову, одному из организаторов и участников антиалиевских волнений в Баку в марте 1995 г. Джавадов, находясь в Иране, объявил о создании партии ОПОН, которая должна будет бороться за освобождение Карабаха, для чего, по его словам, в северном Иране был создан ряд военно–тренировочных лагерей. В перспективе он предлагал свергнуть режим Алиева и установить исламскую проиранскую власть в Баку. В ответ на эти действия Г. Алиев в 1999 г. подписал указ о предоставлении азербайджанского гражданства Пирузу Дилянчи, одному из лидеров НОДЮА. В целом с этого периода в официальной пропаганде вновь усилилась тема Южного Азербайджана и необходимости «воссоединения двух братьев»[29].

Президент Азербайджана Ильхам заявил в 2006 году, что в Иране проживает около 30 миллионов азербайджанцев и что, по его мнению, «каждая нация, каждая страна заботится о своем народе по всему миру, и Азербайджан не является исключением. Соответственно, улучшение жизни азербайджанцев, проживающих за пределами Азербайджана, для нас является одним из главных приоритетов»[30]. Ту же цифру озвучил его отец, Гейдар Алиев, ещё в 1997 году[31]. Признание 30 миллионов иранских граждан

[27] А. Юнусов, указ. раб., стр. 93.

[28] Там же, стр. 92; A. Yunusov, Terrorism and Extremism in Azerbaijan, Roots and Routes of Democracy and Extremism, Helsinki, 2006, p. 229.

[29] А. Юнусов, указ. раб., стр. 96.

[30] I. Aliyev, A Conversation with Ilham Aliyev. Presided by Brent Scowcroft [Rush Transcript; Federal News Service, Inc.], Council on Foreign Relations, 2006, http://www.cfr.org/publication/10547/conversation_with_ilham_aliyev_rush_transcript_federal_ . news_service_inc.html

[31] Выступление Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева в

азербайджанским народом со стороны соседней Азербайджанской Республики вряд ли могло быть воспринято с безразличием в Тегеране. Примечательно и то, что количество предполагаемых азербайджанцев в Иране было значительно преувеличено президентом Алиевым. В многочисленных националистических источниках часто используются и другие цифры, в тех же источниках принято также отмечать, что азербайджанцы в Иране сегодня составляют не менее четверти всего населения страны. Более умеренные данные о количестве тюркоязычных жителей северо–западного Ирана свидетельствуют о 5–6 миллионах[32].

В 2003 г. из Баку под эгидой НОДЮА началось вещание радио «Голос Южного Азербайджана», фактически же инициаторами проекта выступили Турция и Азербайджан[33]. Руководитель НОДЮА Чехрегани (принявший впоследствии фамилию Чехреганлы) всё сильнее втягивался в политику, организуемую и поддерживаемую США совместно с Азербайджаном (Азербайджан в этом тандеме занимал, мягко говоря, младшее положение). В 2005 г. при поддержке Турции был открыт ТВ–канал «Южный Азербайджан», а в 2006 г. в Швеции стартовал канал «Ойаныш[34] ТВ»[35].

Политика азербайджанского государства в отношении тюркоязычных иранцев неизменно старалась опереться на научный, то есть «объективный», аргумент, что приводило и приводит к вторжению политики в область гуманитарных наук. Главным образом в военные периоды (Вторая мировая война и советская оккупация северо–западных провинций Ирана; арцахский (нагорно–карабахский) конфликт между постсоветской Арменией и Азербайджаном), такие споры доходили до отрицания того, что представители соответствующих групп готовы были признать в мирное время или при иных нормальных условиях, а также до использования аргументов, вызывающих сомнения в их научной корректности. Наука нередко использовалась в политическом противостоянии. Очевидно, что азербайджанская

здании посольства Азербайджана в Ташкенте на встрече с соотечественниками, проживающими в Узбекистане – 19 июня 1997 года, http://lib.aliyev–heritage.org/ru/9173889.html

[32] Г. Асатрян, Этническая картина Ирана: от Арийского простора до Азербайджанского мифа, Ереван, 2012, стр. 60.

[33] А. Юнусов, указ. раб., стр. 104.

[34] Ойаныш–пробуждение в переводе с азербайджанского языка.

[35] Азербайджанская диаспора Швеции открывает собственный телеканал «Oyanish TV», http://news.day.az/society/51108.html

школа востоковедения и образовательные центры, которые проводили исследования в области гуманитарных наук, во многом унаследовали советские традиции.

Создание новой национальной идентичности, которая будет соответствовать интересам нового независимого государства, подразумевало и переписывание истории, изобретение новых традиций. Примордиальные взгляды на национальные и исторические вопросы были распространены как в советское время, так и в постсоветское. В случае постсоветского Азербайджана они также сыграли существенную роль при конструировании национальной идентичности, предоставляя вариант «разумной» истории, основанной на «фактах» и «логике», которые должны были утвердить картину мира, в которой азербайджанцы являются потомками автохтонных этнических групп, многие тысячелетия назад населявших территорию современного Азербайджана (и Южного, и Северного).

Факт наличия тюркоязычных иранцев в составе иранского общества в трудах современных азербайджанских историков и идеологов превратился в (прото) азербайджанскую нацию, якобы страдавшую и страдающую от персидского ига. История идей и революций в Иране в XXв. стала предметом спекуляций десятилетиями позже, когда национализм и ирредентизм заняли свое место в политической повестке дня среди определенных кругов в Иране и за его пределами. Недолго просуществовавшее государство в «Южном Азербайджане» и Азербайджанская ССР постепенно были привязаны к более раннему периоду иранской истории, отсылая к мнимой логической цепи происшествий. В частности, сторонники азербайджанского национализма пытались ретроспективно интерпретировать действия иранских революционеров и политических фигур эпохи Конституционной революции начала XX в. как естественные меры, направленные на поддержку национального пробуждения и восстания против персидского ига. Таким образом, сторонники относительной демократизации каджарского Ирана были представлены в качестве патриотов–азербайджанцев, борющихся против иранского господства. Такие взгляды часто не учитывают, что описание прошлого с помощью современных терминов и установок национализма, в значительной степени полагающихся

на данные и методы сравнительно–исторического языкознания, не всегда может давать корректные результаты:

«Каджарские монархи, говорящие на собственном турецком диалекте со своими соплеменниками и на персидском с придворными служащими, восприняли бы языковое разнообразие (если бы они когда–либо размышляли об этом) как постоянный и неизменный факт жизни, налагаемый на человека Богом».[36]

Таким образом, процедура выделения тюркоязычных иранцев из иранского общества и отождествление их с постсоветским населением Республики Азербайджан так же нова, как и само появление независимого азербайджанского государства.

[36] E. Abrahamian, Kasravi: The Integrative Nationalist of Iran, Middle Eastern Studies, Vol. 9 (3), 1973, p. 273.